

Литературный КУЗБАСС 3-4, 2003-2004

[[Главная](#)]

[[Содержание](#)]

Владимир Переводчиков

Из дальних странствий

Я алхимик в замке

В «Дисней Си» люди ростом с мышей, мыши ростом с людей. Это прославление не грызунов, а великого режиссера-мультипликатора Уолта Диснея, создателя Диснейленда, увеселительного парка для детей в Калифорнии. Иной раз задумаешься, а если бы Дисней занялся другим делом или его вовсе бы не существовало? Родилась бы такая индустрия развлечений? Что было бы тогда с рукотворным материком, приделанным к японской столице Токио?

Но сначала, как я попал... под автомобиль. Редактор кемеровской полумистической газеты «Аура» Юрий Софронович Тотыш попросил меня провести один урок в гимназии, которую он курирует. Мой урок был познавательно-развлекательным, я не только рассказывал о загадочных явлениях, но и демонстрировал опыты и фокусы.

Звонок от Тотыша: «Гимназисты очень просят продолжать с ними занятия».

Утром часов около восьми я вышел к переходу через улицу, где автобусно-троллейбусная остановка и множество торговых точек. Человек восемь пешеходов ждали позволения светофора перейти улицу, я пристроился с боку. Месяц назад выше от привычного перехода метрах в ста нарисовали «зебру». Дорожники не взяли в расчет, что переходом пользуются жильцы трех огромных домов. Пешеходы игнорировали новый переход, что и продолжается до сих пор. Светофор покраснел, толпа двинулась — я за ней. По правую руку от меня шла яркая женщина, одетая во все желтое. На мне была черная кожаная куртка, под цвет которой кепка, брюки, туфли. В полном убеждении, что светофор красный, то есть проезд транспорта запрещен, переходил улицу, не спеша, чуть отвернув лицо от ветра. Водитель автомобиля, объехав яркую женщину, врезался в меня...

Адрес редакции:

650099, г. Кемерово,

пр. Советский, 40

Тел.: (3842)-36-85-22

E- mail:

sprkem@mail.ru

Гл. редактор:

Владимир Куропатов

Редколлегия:

Валерий Зубарев,

Геннадий Косточаков,

Мэри Кушникова,

Борис Рахманов,

Вячеслав Тогулев,

Зинаида Чигарёва

В больнице я пришел в сознание через три дня. В смутной памяти осталась только страшная боль, когда меня с носилок перекладывали на операционный стол. Как прошла операция на почках и на печени, не помню. Травмы: три закрытых перелома ребер, перелом ключицы. Даже дышать было больно, не то чтобы переворачиваться. Сиделкой около меня трое суток была Галина Ивановна Потехина, мать моей студентки Лианы. Потом приехала из Красноярска моя бывшая жена. На пятые сутки мою палату посетили губернатор области Аман Гумирович Тулеев и начальник областного департамента культуры Владимир Иванович Бедин. Возможно, попрощаться. Да, мое положение тогда было незавидным, а в первые часы — мало надежным. Потом в моей палате погостили со студии телевидения ведущие разных программ Юрий Яковлевич Светлаков и Владимир Евгеньевич Аренский. Врачи сулили выписать меня лишь месяца через полтора...

Я воспользовался визитом высоких гостей и стал просить «уволить» меня из больницы. Лечащий врач решить этот вопрос в мою пользу не смог, тогда я обратился с просьбой к главному врачу больницы. Мне назначили амбулаторное лечение, прикрепили медицинскую сестру: капельницы, уколы. Но главное, чего я не мог открыть врачам, — это постоянные, теплые ванны с травами (народное средство). Часами пролеживал в воде чуть выше температуры тела; растворы разных трав и зеленого чая ускорили мое выздоровление. С помощью гимнастики восстановил способность двигать рукой. Наверное, через месяц забарахлил желудочный тракт, стало невмоготу. Пребывая на грани «загиба», вызвал я скорую помощь; врач, обследуя меня, вызвала «неотложку», и ночью я оказался в железнодорожной больнице: тут же неприятная процедура — глотание трубки (зондирование желудка). Анализы печени и почек были далеко не утешительными, мне пообещали инвалидность, что меня не радовало. Через неделю я выписался и из этой больницы. Стал более активно заниматься аутотренингом и продолжал процедуры в ванной. Анализы скоро изменились в лучшую сторону, а в течение года, к удивлению врачей, они даже стали нормальными. Но вдруг, что-то делая, заметил, что кисть руки стала ригидной, пальцы свело, получилось что-то вроде паралича. На следующий день я уже не мог что-то взять правой рукой. Перепугавшись, побежал в поликлинику. Обследовав меня, терапевт направила к психиатру. Психиатр выписала транквилизаторы и посоветовала просто заниматься гимнастикой, разминать кисть и пальцы. Вернувшись домой, с горя я напился и «гудел» дня три. Проснулся, захотел есть, пошел на кухню, приготовил завтрак, поел и только тогда обратил внимание, что рука-то действует, как прежде. Много времени стал уделять репетициям. Начал работать концерты. При малейшем проявлении дискомфорта пальцев, я бросал все дела, покупал бутылку водки... и все проходило бесследно надолго.

Однажды в 2000-м году раздается звонок из Америки,

звонит Петр Леонидович Дубинский, спрашивает о моем самочувствии, просит прислать ему видеоматериал, говорит, что есть возможность поехать на работу в Японию. Мне было понятно, что он сомневается в моей работоспособности, в моем «товарном виде»: ведь мне уже за шестьдесят. Вскоре, ничего не обещая, Петр Леонидович пригласил на просмотр в Москву.

Просмотр был удачным, представители японской фирмы «Ориентал Ленд» зафиксировали мое выступление на видео. Петр Дубинский вселил в меня надежду, упаковал советами и мы разъехались. Через несколько месяцев звоню в Москву агенту Дубинского Нине Александровне Бернацкой (бывшая артистка цирка — воздушная гимнастка). Она сказала, что в этом году японцы никого из российских артистов не взяли, может быть, на будущий год.

В мае 2001 года меня вызвали на репетиции, на которых были двое американских представителей — Элеонора Мендес и с ней худощавый, подтянутый мужчина с седыми вьющимися волосами, которого я принял за главного, но я ошибся. Под руководством Дубинского репетировали со мной Нина Бернацкая и ее помощница Светлана. Дубинский из мной предложенной программы убрал все длинноты; я получил конкретные задания и уехал в Кемерово. Звонок из Москвы от Бернацкой: «Вы должны 27 июля вылететь в Токио. Все остальные уже полтора месяца находятся в Японии». Оказывается, меня освободили от репетиций. И японские режиссеры со мной заниматься не будут.

Я знал, что мой номер все равно образуется под руководством Дубинского, понимал, что этот режиссер обладает мудростью, внимательностью, искренностью, волей. Он не заносчив, лишен гонора и абсолютно не способен к менторскому поучительству, поэтому «разжевывать» он не будет. И каждое его слово, взгляд, намек должен быть для меня как бы программой. Перед зрителями я не должен выглядеть хитрецом. Быть правдивым это не значит быть точным. Правдивость фокусника экстравагантна. Она должна правдиво показать так называемое — очевидное-невероятное.

За день до вылета на квартиру моего сына позвонила дочь Виктора Криволапова, сказала мне: «Дубинский просил Вас привезти реквизит Криволапова». Я знал, что Дубинский здесь не при чем — это хитрость самого Виктора. Хотя он мог бы обратиться прямо ко мне, и я не отказал бы ему. Дочь его заверила меня, что в аэропорту в Токио меня встретят. Мы договорились о встрече в Шереметьево, где она и передаст мне реквизит. Мой сын Владимир решил подстраховаться (на дорогах пробки) и в Шереметьево на своей машине он доставил меня заранее. По-очереди обошли весь аэровокзал — девушки с реквизитом нигде не было. Она мои приметы знала и должна была сама подойти ко мне. Началась регистрация, а дочери Виктора все нет. Тогда мы с Владимиром решили перенести мой

багаж к регистрационной стойке. Подходят два молодых человека, сообщают, что дочь Криволапова поручила им передать груз для Японии, сама она не смогла, у нее какие-то дела в ЗАГСе. Ждут они давно, но заставили меня порядочно поволноваться.

...Долетел до Токио комфортно в салоне для «больших людей». Международный аэропорт Нарита. Высматриваю среди встречающих Виктора — не нахожу. Получив багаж, с тележкой разъезжаю по залу. Пассажиры нашего рейса постепенно исчезли, а меня никто не встречает. Отчаявшись, подхожу к стойке. Кое-как жестами объясняю, что меня должны встретить представители Дисней Си. Через минуту появилась японка со щитом на ножке, где по-английски написала моя фамилия. Эту девушку я видел и раньше, но не обратил внимания на щит. Пришел водитель микроавтобуса, погрузили вещи и поехали. На крыльце перед входом на территорию диснеевской деревни стояла молодая женщина. Это была менеджер Елена Георгиевна Дьякова.

Меня сразу завели в аудиторию, где обычно проходят всякие общественные мероприятия. Больше часа длилась ориентация. Начальник так называемой деревни Маса-сан вводил в курс дела. Знакомил с правилами проживания, как чем пользоваться, что нужно делать, если ко мне придут гости, когда какой и куда выносить мусор. Оказывается, все это важно.

Мне вручили белую пластиковую карточку — магнитный ключ от квартиры, который одновременно является ключом от входа на территорию жилого комплекса. Квартиру мне оставили на первом этаже самую ближнюю к выходу, в ней все необходимое для жизни. Начальник на английском языке (переводила Елена) проинструктировал, как нужно обращаться с кондиционерами, микроволновой печью, кофеваркой, телевизором, ванной и всем остальным. На девять с половиной месяцев я стал хозяином этой квартиры. За окном была стройка, заложен огромный дом.

Когда я буду покидать Токио, этот дом будет уже заселен, он сразу пригоден для жилья и для отдыха. Жильцы и жилище — это особое явление, явление радостного и полезного сожительства человека с вещами. Вещь существует для того, чтобы обладать ею, и поэтому в Японии всему придают товарный вид, эстетическое начало. Чтобы для японцев вещи были родными, а для Запада — экзотикой. Это и есть одна из причин всемирной тяги и интереса к Японии. Японское кимоно не только для тела, но и вместилище души.

Бытие определяет сознание. С каким сознанием я выйду на зрителя, если в номере у меня не будет горячей воды и я не приму душ, если я как следует не отдохну? За свой быт девять месяцев я

мог оставаться спокойным.

На следующее утро я поехал в парк. Ориентация и примерка костюма. На примерке было 14 человек, художники, дизайнеры, костюмеры, менеджеры, два переводчика. Присутствовал и Петр Леонидович Дубинский. Принесли накладную бороду, надобность в которой сразу отпала, потому что к тому времени моя собственная борода выглядела внушительно. Парик с лысиной тоже не понадобился.

Когда с большим трудом я натянул голубые колготы, комиссия решила, что нужно их отрезать и оставить длинные носки или короткие чулки. Это избавило меня от частого долгого переодевания. Халат красивый, вид у него богатый, но работать в нем очень неудобно. По моему заказу сделали в полах халата по бокам проему. К поясу пришили фалду, на которой нашили необходимое количество карманов и других приспособлений. Не скрою, нелегко дался переход в работе от костюма к халату. Особенно мучительно осваивал работу с кольцами. Долго репетировал заброс уже не нужной пиалы в нижний карман. Однажды пиала не попала в карман (дул сильный ветер), улетела под скамейку. Во время работы доставать не стал, а когда в гардеробной хватился сосуда, вернулся, пиалы уже не оказалось на том месте. Я убежден, обзарились на нее не японцы, а иностранные посетители парка: японцы бы вернули.

Когда Петр Леонидович показал мне мое рабочее место, меня просто бросило в жар: как же я буду работать в проходном дворе? Нет никакой возвышенной площадки, кругом будут находиться зрители, верней, толпа. Причем толпа все время движущаяся. Подиумы увеличивают рост, стало быть, без подиума я останусь ниже моих зрителей. Ни флага, ни хоругви, чем бы я выделялся от толпы. К счастью, Петр Леонидович не долго держал меня на репетициях, и Елена Георгиевна, которая и проводила со мной репетиции, особо не озадачивала меня. Дубинский, посмотрев результат каждой репетиции, делал замечания, ставил не очень сложную задачу и уходил на репетиции к группам, которых у него было девять. От нервного напряжения моя правая рука норовила выйти из повиновения. Сложные престижизататорские комбинации из программы я убрал. И все равно приходилось туго. О своих проблемах я никому не говорил, а руками и зубами старался удержать веру в свои возможности. Тем более все, что я предлагал зрителям, разработал сам.

Я много лет говорил своим коллегам, стремящимся подражать Западу или Востоку, что чем больше мы подражаем им, тем больше мы им не нужны. Сам я всю свою эстрадную жизнь старался делать все по-своему. В 1966 году я увидел фокусника Инге Педро, с которым выступал в Московском театре эстрады со шведским варьете, мне понравился трюк с шарфом. Висящий на шее белый шарф он завязывал, и получалось

впечатление, что шарф прошел через шею, не нарушив ее. Секрет мне был понятен. Шарф надо было особым образом зарядить заранее, и этот трюк не вполне убедительный. Продолжительность его показа несколько секунд. А я, находясь в то время в эстрадной студии ВТМЭИ, разрабатывал каскад трюков с шарфами. Пришло в голову несколько решений этого фокуса. Всегда этот трюк хорошо принимали зрители. А потом, когда начали делать почти все фокусники России, он стал пошлым. В 1992 году с группой «Русская циркшкола» Петра Дубинского я гастролировал по Швеции. В одном из парков подошла женщина и сказала, что со мной хочет сфотографироваться один человек, и если я могу, то она просит выйти на улицу. Около нашего автобуса стоял высоченный худощавый мужчина. Когда женщина через нашу переводчицу Светлану Лопатину перевела, что он когда-то был в Москве, я сразу узнал его: «Инге Педро?!» Чувствую, это ему польстило, тогда я сказал, что трюк с шарфом я впервые увидел у него. Он признал, что у меня получается лучше, причем он хорошо вписался во весь каскад.

В начале шестидесятых годов я показывал фокус «соединяющиеся кольца». У меня было 8 колец. Все комбинации мне показал Алексей Левицкий, фокусник из Литвы, который гастролировал в Чите, у него я и купил реквизит. Кольца размером были меньше, чем те, с которыми он выступал на сцене. Пронес я их через армейскую самодеятельность, через художественную самодеятельность в клубах, с ними начинал работать на профессиональной сцене в филармонии. Этот номер я передал двум своим коллегам. И на долгие годы убрал из своего репертуара, потому что многие фокусники его просто затащали. Причем, бездумно стали увеличивать количество колец и, что уж совсем ни в какие ворота не лезет, их размер. Сечение металла тех колец оставляли прежнее, не думая, что они увеличивают только «дыру» колец — пустоту, сама фактура в сравнении величины колец кажется меньше, что усложняет восприятие эффекта. В Мейсене немецкий замечательный фокусник Петер Лишек показал мне этот трюк с обручами хула-хуп, и он не произвел никакого впечатления. По этой причине Петер не рискнул показывать его на сцене.

В начале семидесятых годов голландский фокусник Ричард Росс по-новому показал этот трюк с четырьмя кольцами, и фокусники начали его копировать. Трюк очень интересный, но мало загадочный: Ричард не отдавал кольца для освидетельствования. Этот фокус родился в Китае. Вначале его показывали только с двумя кольцами. Фокусник сидел на циновке посреди площади, вокруг стояли зрители. Он отдавал два кольца, чтобы не было сомнения, что кольца целые. Клад эти кольца на циновку, накрывал халатом, делал заклинание и, вынув их соединенными, отдавал снова, убедиться, что это уже цепь из двух звеньев. Я эту проблему решил по-своему, причем только с тремя кольцами: после показа трюка все три кольца отдаю

зрителям, получив обратно, продолжаю фокус, добавив сюда трюки с веревочкой. В Японии придумал еще один ход. Зрители по моей просьбе пытаются протянуть одно кольцо сквозь другое. Естественно, получиться не может: ведь кольца жесткие и имеют одинаковый размер. Взяв кольца у зрителей, я без труда это делаю: протягиваю кольцо сквозь кольцо и обратно. В Японских магазинах, где продают фокусы, есть кольца с описанием метода Ричарда Росса. Мной придуманный секрет для японцев оказался новым.

Официальное открытие парка Дисней-си было назначено на 4-е сентября. Впервые на своей рабочей площадке я появился 8-го августа. Наверное, в самый раз, потому что с 13 по 15 августа в Японии проходит праздник Бон — «День поминовения усопших», у японцев он не грустный, а совсем наоборот. Отдыхающих в парке прибавилось. На эстраде есть обычай, который мне никогда не нравился: начинать всегда чуть позже назначенного времени, но постепенно это вошло в привычку — не спешить с выходом.

Я промедлил несколько секунд и получил от Дубинского замечание, что должен выходить ни минутой раньше, ни минутой позже, а в точно назначенное время. Стало быть, это важно.

С той поры на «стартовую площадку» я поднимали всегда за пять и более минут.

Небольшое отступление. Во время примерки костюма мне дали новенькие голубые легкие туфли, но не учли подъем моих ног. Лапа тютелька-в-тютельку, а из-за подъема туфли на мою ногу не полезли. Через переводчицу Наташу (она хорошо владела японским языком) я посоветовал разрезать эти туфли и сделать шнуровку. Но мне принесли поношенные черные тапочки без запятников на размер или два больше моих ног. О голубой обуви забыли на шесть месяцев. В тех просторных тапочках я не мог ходить даже в примерной комнате — они слетали с ног. Голубые шелковые носки-гетры очень гладкие, и трения не было никакого. Пол в замке каменный, неровный, и мои тапочки к удовольствию зрителей слетали с ног по несколько раз в день. Обращался я к дежурным менеджерам, много раз говорила Лена, но мои тапочки продолжали подводить меня под монастырь. Пока не пришел новый стайд-менеджер Ханда-сан, очень серьезный солидный мужчина. Он вызвал мастерицу, которая сразу пришила резиновые запятники. Обвинять здесь нужно только большой подъем моих ног. Потому что в парке все запланировано заранее, кто-то не учел, что сшитые мне туфли не полезут на ногу. Месяцев через шесть я получу новенькие голубые туфли. А в тот раз отсутствие нужных туфель обернулось для меня бедой.

На второе шоу, одевшись, я поднялся по 32 ступенькам вверх заранее, как обычно. Оставалась одна минута до выхода, я подошел к зеркалу и обнаружил, что на мне босоножки, а это категорически запрещалось. Оставив ведро — пулей вниз,

переодев обувь — бегом вверх по лестнице. Не дошел ступеньки три, забилось сердце, сдавило грудь, потемнело в глазах. И все-таки я нашел силы и вышел вовремя на площадку. Вдруг почувствовал, что вот-вот потеряю сознание. На счастье, рядом оказалась переводчица Наташа, я сказал, что чувствую себя скверно. Зрители, конечно, ничего не поняли, я полностью показал свой номер. Когда я вернулся в гримерную комнату, там уже была Лена и дежурные врачи. На микроавтобусе меня доставили в больницу, после тщательного обследования врач заявила, что дело серьезное, страшная аритмия сердца, а давление крови никудашное. Мне дали выходной день. Я занялся аутотренингом. Через два дня та же врач, те же медики-лаборанты поразились — им показалось невероятным, что анализы за короткое время стали совсем иными, далеко не похожими на предыдущие: так не бывает.

Проблемы со здоровьем, как рок, преследовали меня. На велосипед я не садился лет около тридцати, а в Токио был вынужден приобрести этот удобный транспорт, который сокращал время движения от жилища до станции метро. Как известно, Токио — людный голод, много велосипедов и ездить на них небезопасно.

Однажды после работы я возвращался со станции Шин-Ураясу к себе на квартиру. Неподалеку есть очень неудобный переход через улицу, который оканчивается несколькими узкими проходами между невысокими столбиками. Ехать на велосипеде надо очень осторожно, даже если никого из прохожих нет. Я форсировал улицу медленно; впереди меня шли люди. Присмотрел свободный проход. Вдруг перед самым моим носом женщина изменила направление и загородила мне путь. Мне ничего не оставалось, как быстро отвернуть в сторону. Угодив на столбик, я полетел на асфальт. Женщины помогли мне подняться. Страшная боль в плече и разбереженной правой руке не позволила мне сесть на велосипед. Привел я его пешком. Мог бы попросить выходной день, но решил не делать этого. Страшная боль в правой руке меня преследовала больше двух месяцев. С особым трудом мне давался трюк с шарфом, который я забрасывал на шею, завязывал, и он, как я уже упоминал, проходил насквозь, будто шеи и нет. Отказаться от него было просто невозможно, потому что он был связан с другими трюками.

При посещении парка зритель получает заряд духовной энергии, душевного здоровья, проходит как бы обряд очищения, и конечный результат — душевное равновесие, веселое настроение и оптимизм.

Актер не должен вмешиваться в личную жизнь зрителя, не должен ничего навязывать, но зритель вправе выбирать то, что ему предлагают. Он свободен: смотреть ему что-то или не смотреть. Вкусы у людей разные, и задача фокусника показать

смешное, доброе, но в то же время похожее на случаи из жизни, чтобы это было интересно, весело, интригующе.

У всякого индивидуума своя нравственная основа и рождается она от национальной морали. Мне важно знать, что может оскорбить национальные чувства.

Восприятие должно быть естественным, но оно должно вызывать сказочное чувство.

«Чудо — подарок детства, — сказала как-то редактор народного творчества центрального телевидения, — без него не было бы ни поэтов, ни архитекторов, ни изобретателей. Лишенные в детстве чудес, взрослые не ходят на концерты иллюзионистов». Зато такие люди в полном здравии мысли побегут поглазеть на что-то, что патологично щекочет нервы: на сеанс целителей, изгнание бесов и т.п.

Искусство требует решимости, но исполнитель обязан знать рамки дозволенного. Ему должно быть стыдно гложуть от собственного голоса. Он обязан слышать и себя.

Поэтому передо мной стояла невероятно сложная задача, я ни физически, ни нравственно не был подготовлен работать без подмостков. Мы со зрителем смотрели глаза в глаза. У нас разные языки, но возможности равные. Мы общались, и я не должен был быть выше моих зрителей. В любом случае я просто обязан понимать, что они все вместе знают больше, чем я. Но вот тут закавыка. Я не должен был и принижать себя. Принизив себя, я унижу искусство, которым занимаюсь, а цель моего искусства — удивлять. И если я чувствую зрителя, уходящего не удивленным, то остаюсь побитым и озадаченным. Поэтому я все время должен быть внимательным и собранным.

Человек видит не только с помощью глаз, но главным образом с помощью мозга.

Во мне и поныне живут слова Н. П. Охлопкова: «Сдерживайтесь! — отвечает он на советы «вышестоящих» коллег, что надо играть сдержанно. — Но сдерживать надо разгоряченного скакуна, а не клячу, которая сама вот-вот рухнет на землю. Мы не имеем права собирать тысячу человек каждый вечер и показывать мелкие чувства».

Человек обычно воспринимает в потоке внешних раздражителей лишь то, что укладывается в «координатную сетку» уже имеющихся знаний и представлений, а остальную информацию бессознательно отбрасывает.

Я был поставлен в деликатные условия; должен был исполнять роль алхимика, хозяина замка. Я мог просто присутствовать или делать алхимические опыты, но я находился

не в лаборатории, а как бы среди своих гостей во время отдыха от своих секретных алхимических опытов. Я мог бы для отдохновения играть и на инструментах или делать что-то подобное. Но ведь любой человек может показывать и фокусы, которые вроде бы имеют отдаленное отношение к алхимии: алхимики навсегда причислены к чудесникам. И все мои трюки смотрелись не кощунственно. На это я прямого указания от режиссера не получал, но, памятуя, как придирчиво отбирался репертуар, как требовали дизайнеры оставить такой-то реквизит и как занимался поиском режиссер Дубинский, я должен был найти рациональную середину.

Как сказал А. Осборн: «Можно считать аксиомой тот факт, что количество идей переходит в качество. Логика и математика подтверждают, что чем больше идей порождает человек, тем больше шансов, что среди них будут хорошие идеи. Причем лучшие идеи приходят в голову не сразу».

И не вдруг до меня дошло режиссерское видение, когда Петр Леонидович сказал: «Стек должен быть оставлен, им и надо заканчивать шоу». Лишь в процессе раздумий я понял, почему. Потому что я выходил с единственным реквизитом с блестящим ведерком, с ним же и уходил. И такой же появившийся стек, как фокусники его называют — трость. Причем кольца из нержавеющей стали и блестящие монеты составляют общую картину номера.

Помню, как был озадачен Петр Леонидович тем, чтобы мой реквизит гармонировал с костюмом. Он даже предложил на ведерко наклеить матерчатую ленту, потом сам же и отверг это предложение, сказав, что у ведерка изменится звук. А звон монет в фокусе «Золотой дождь» и есть главный его эффект.

Не врать и не говорить правду, что это означает? Это, наверное, фокус. Фокусы принято считать усилителем интеллекта, в них заложена некая таинственность, вызывающая мистические ощущения, которые побуждают думать и удивляться. И тут надо четко отличать, где человек разыгрывает, подтрунивает, а где показывает мудреную штуку. Все, что придумано хитростью, должно быть одобрено и утверждено мудростью. Поэтому любой придуманный трюк, каким бы он ни был эффективным, должен быть не только поставлен, огранен, но и иметь некую недосказанность, неразжеванность, естественный аромат. Он не должен быть праздным, а таким, чтобы зрителю оставалась полоса для его собственной фантазии. Кто-то из ученых сказал: «Чтобы творить — надо думать около», надо смело использовать постороннюю информацию. Зритель должен быть соавтором зрелища, потому что он непосредственный участник. Петь и танцевать человек может в свое удовольствие. Иллюзионного трюка без зрителя не может быть. Чудо — явление виртуальное.

Но свидетели (зрители) принимают его за реальность. «Не может быть?.. Но я же вижу и своим глазам верю». И попробуй разубеди его, если это ему внушили, как говорится, вбили в сознание, как кол. Любую программу режиссер не может декретировать. Он может высказать пожелание, предостеречь от чего-то, дать указание на устранение нежелательного.

Стараться понравиться всем — безнравственно. Это ситуация, как в басне Михалкова «Слон-живописец». У каждого есть желание что-то добавить или что-то убрать из увиденной им картины: всем не угодить. Чтобы не показать своего эгоцентризма и делать вид, будто зрители этого не понимают: «Не нравится — не смотрите». Не понятое динамическое искусство — пустая трата времени. Это картину или скульптуру могут оценить с опозданием на десятилетия и века. Живое действие, мимолетное представление — и оценено, должно быть живо. Мудрствуя лукаво, до чистого сердца не достучишься.

С окончанием рабочего дня у фокусника работа не прекращается. Перед ним всегда стоят призрачно замысловатые картины предощущения иллюзии чуда, фокуса.

Зрительные номера — основной продукт; и ему необходима приправа — музыка, свет, всякие неожиданные эффекты, выстрелы, взрывы, туман и так далее. Алхимик в своем замке всякой такой приправы лишен. У площадных артистов нет порога сцены, барьера манежа; ни форганга, ни бокового выхода. Ему некогда перед началом смотреть в зеркало и «подвешивать» свою улыбку, он всегда обязан быть «в маске». Парадокс состояния: артист кажется более живым, если его отвлекают внутренние мысли и заботы. А если так, то это даже неискушенному зрителю заметно; его улыбка в унисон со зрительской улыбкой несколько неуместна. Она либо опережает улыбку зрителей, либо опаздывает. И только иногда она должна попадать в такт или в темп зрительской улыбки. Такое зрелище эмоционально расцвечено и диалогично.

«Каждый век, приобретая идеи, приобретает и новые глаза», — говорит Генрих Гейне. Быть современным заразительно, но сложно. Старческое слабоумие и шизофрения не близнецы, но, вероятнее всего, кумовья. То и другое — упование на прошлое, осветление его и отрицание будущего. Для них оно безнравственно. Но будущее начинается сегодня, а оно вечно непонятно современникам, как приходящим, так и уходящим. А это вяло текущий бунт, который иногда отличается эмоциональным всплеском — не всегда разумным. Старческое слабоумие обычно начинается на рубеже трех четвертей столетнего возраста. Это естественный процесс: ослабление памяти и сублимация реальностей, доходящая до бреда, которая иногда выдается за мудрость. Случается, что бредовые идеи захватывают здоровые умы. Тогда начинается политические или бытовой произвол. В таком случае нельзя замалчивать вопроса: а

кому это выгодно?

Рассказать про Японию, — чистосердечно признаюсь, — выгодно мне. Я не политический деятель и не поведу массы за собой. Но то, что я увидел в этой стране доброго, удобного, выгодного — мне хотелось бы увидеть и в моей родной стороне. Чем мы хуже японцев? Я не русофил и не русофоб; нормальный рядовой гражданин своей страны. За ее пределами мне места нет. Я никогда не стремился туда, «где нас нет». Хочу быть, где мы есть. Не хочу, чтобы в нашем близком соседе японце мы видели противника. Восточная пословица гласит: «Один враг — много, сто друзей — мало». Так пусть японский народ останется во второй половине этой пословицы. Не только в Кузбассе, но и по всей России мне доводилось видеть израненную, изуродованную землю. Пирамиды терриконов — могилы. Это память о цветущих долинах, о величавых горах и сопках. Правительства все временщики, им не больно и не стыдно, что потомкам в наследство остается покалеченная или мертвая земля.

В Японии жить на ощупь и поддаваться стихийным силам нельзя. Надо не только смотреть, но и видеть. Считаю большим позором быть иждивенцем у кого бы то ни было и даром есть хлеб, если ты способен добыть его своими руками, с помощью своей профессии.

Как только я смирился с моими физическими недомоганиями, меня одолела страшная депрессия. Стал частенько замечать одного человека, хорошо одетого, понятно, работника парка, у которого почему-то не было значка. В то время, когда все служащие парка носят значки. И тут разыгралась фантазия (не предчувствие), но сильно похожая на недавно осуществившееся предчувствие, которое тиранило меня три-четыре дня. Меня охватывал страх, доходящий до ужаса. Я решил даже поделиться им с нашим менеджером Еленой Георгиевной Дьяковой: «Что-то должно произойти страшное». «Что?» — не поняла она. — «Сам не знаю, может быть, что-то дома случится». Назавтра поднялся сильный ураган, муссон. У меня был выходной день. Дом буквально трясло. Отойдя подальше от окна, которое гудело, я сел за кухонный стол, прикрепленный к полу, стол вздрагивал. На улицу выйти было страшно. За окном упал металлический забор, повалило деревья, какие-то детали сорвало со стройки. Благо высоченный подъемный кран был опущен. Он мог свалиться на наш пятиэтажный дом, в котором жили только русские артисты. Ночью муссон перестал проказничать, утром выглянуло солнце. Я поехал на работу. Деревья, ветки, мусор «украшали» улицу. Правда, когда возвращался, ничего этого в помине не было. Осталось со мной лишь мое предчувствие, и мое больное воображение еще тиранило меня.

На следующее утро по громкой связи требовательное объявление на английском языке. Я понял. Какое-то важное

сообщение. Вышел во двор.

– Генрих Ротман, — спрашиваю, — что-нибудь случилось?

«Ты что, телевизор не смотришь? Америку разбомбили, сам Пентагон развалили». Это было 11 сентября, траурная и всемирно позорная дата.

Когда мы с ним вошли в зал, все американцы находились там, большинство россиян сидело сзади. Перед публикой стояли три или четыре представителя американского посольства в Японии и руководство нашей деревни. В зале стояло какое-то оцепенение. Я по-английски не понимаю, но почувствовал серьезную обстановку. Потом мне растолковали, что надо быть осторожным, могут начаться провокации, потому что в деревне большинство жителей американцы. Самолеты, пролетающие низко над нашим жилищем и японским заливом несли тревогу, но мое предчувствие разрешилось «конкретикой» и больше меня не беспокоило. Наши «мусульмане» из «Арабского шоу» испытывали неловкость. Американцы вида не подавали, но были молчаливы.

В гардеробной комнате мы переодевались трое. Со мной были два американца-мушкетера. Один из них, Дуэн, в то утро был угнетен и на площадке повредил ногу так, что несколько дней его партнер Джон выходил на площадку один. Видимо, делал вид, что занимается поисками «противника» да фотографировался с посетителями парка.

К моему стыду, тревожное состояние улетучилось. Вечером, смотря по телевизору новости, понял, отчего меня мучило предчувствие. На одном из домов, разрушенных террористами, была смотровая площадка: находясь в Нью-Йорке, я почти час с нее любовался городом, а еще раньше видел эти дома в кинофильме «Кинг-Конг». И эти дома оставались жить в моей сенсорной памяти. Террористы покусились на их сущность. Это и принесло тревожное предчувствие.

Рана души за повседневными заботами как бы заглохла, но в памяти она жива и по сию пору.

Полного удовлетворения от своей работы я не получал, менял фокусы, искал другую манеру. Была у меня отдушина: — дети мои фокусы принимали восторженно. Мне хотелось их благодарить, приносить какую-то конкретную и особую радость, хотя бы тем, кто выходил ко мне помогать. И я придумал. У ребенка из рукава вынимал металлические монеты стоимостью 500 иен, одну из них, возвращая помощнику, «превращал» в шоколадную медаль. Мне было приятно видеть на лице ребенка восторг. Не потому, что родители не могут ему доставить то же удовольствие, а потому что он получил конфету из рук волшебника. Уверен, что эта конфета для него имела особый

вкус. Это длилось чуть больше месяца, но однажды дежурная менеджер принесла в гримерную очередной подарок — шоколадную медаль, и предупредила меня, что этого делать не положено. Вначале я огорчился, но, подумав, пришел к выводу: меня отвели от возможной большой беды. Ведь если бы ребенок случайно заболел, конечно, не от шоколадки, меня могли бы обвинить и даже спровоцировать. И отвела меня от этого Лена: она неодобрительно отозвалась о моем новшестве, но я как-то отнесся к этому несерьезно.

Наконец настал тот день, которого мы все ждали. Устали, хотелось возвращения в родные дома. Я же этого часа ждал с волнительным нетерпением: а что скажет Петр Леонидович...

Совсем недавно на моем шоу вновь появился тот таинственный мужчина-японец в черном, причем он не наблюдал издали, а смотрел совсем близко. По окончании шоу, он сделал одобрителный жест и улыбаясь сказал: «О'кей!» На его черном пиджаке уже красовался белый значок с его именем. Такие значки носят все служащие парка.

Я почти сразу заметил появление Петра Леонидовича Дубинского на моем, кажется, третьем шоу. Не виделись мы с ним после отъезда его в Америку. Только Лена иногда передавала нам всем приветы да вручила поздравительную новогоднюю телеграмму с упоминанием всех и каждого поименно.

Встреча была теплой. Я ждал его замечаний, но Петр Леонидович совершенно искренне сказал, что программа ему понравилась, интересное построение, новые трюки, главное — хорошие взаимоотношения с публикой, которая меня понимает и принимает. Единственное попросил, чтобы в последние дни я не оставил о себе плохое впечатление. Но я его едва не оставил. Последним рабочим днем должен был быть 13 мая. В дневнике у меня было записано: «Получить в банке деньги 13 мая», — так сказала Лена. Накануне вечером, когда она с кем-то зашла ко мне, я спросил, не поедет ли кто завтра в банк, а то одному мне будет трудно получить свои деньги, ведь я не знаю ни японского, ни английского языка. Она, видимо, не обратила на это внимания, потому что занята по горло с новой группой. А у меня не было сомнения, что проработал один лишний день, потому что в расчетном листе окончательная дата стояла 11 мая.

Хорошо, что я не умудрился рано утром поехать в банк, который находится в центре Токио. Звонок от Лены: «Владимир Андреевич, а почему вы не на работе?» Я даже растерялся: «У меня работа закончилась, вчера последний день». «Кто вам это сказал?!» — «Вы». «Когда?» — «Еще до вашей поездки в Москву».

Она приказала немедленно выезжать на работу. Я приехал к началу второго шоу, но стайд-менеджер, когда я заспешил наверх,

на площадку, остановил меня и успокоил. В последний день я отработал только 4 шоу. Число 13 у меня считается несчастливым, хотя на международных конкурсах иллюзионистов в 1991 году в Харькове и в Балтиморе в списках конкурсантов я был занесен именно под этим номером. В результате завоевал две золотые медали. Цифры, которые прочитываются как сначала, так и с конца укрепляют мое суеверие: 1991 и 2002...

Я уверен, Елена Георгиевна Дьякова уже забыла обиду на меня, а я ее забыть не могу: мне совестно.

Попробуй забыть Японию, попробуй забыть «Петра творенья», а главное — самого творца.

Петру Леонидовичу Дубинскому я благодарен и предан навсегда. Эти эссеистские записки я посвятил ему — Алхимик.